НИНА ТИХОНОВА-ВИЗБОР:

Культура. – 2005. – 25 – 31 авг. – с. 4

Прежде я даже не представляла, что существует мир такой духовной насыщенности

Двадцать один год нет с нами поэта, актера, журналиста, сценариста и альпиниста Юрия Визбора, но живут его песни. Несколько лет подряд на озере Селигер проходит Визборовский фестиваль песни, традиционно собирающий множество людей. Наш собеседник – Нина ТИХОНОВА-ВИЗБОР.

– Нина Филимоновна, вы долго не прикасались к дневникам Визбора, а он вел их с 1951-го по 1984 год. Прочитав их, узнали ли вы нечто новое, то, что не могли знать при его жизни?

– Конечно, и вот один из примеров. Невзирая на недомогания, Юра жил как всегда – музыка, песни, зарядка, бег, планов громадье… 17 июня ему сделали компьютерный анализ, а 20 июня, в день его рождения, доктор сказал мне, что он обречен, то есть вынес смертный приговор. "Не мучайте его,– сказал доктор, – ему осталось жить три месяца". Ровно так и случилось. Я, посоветовавшись с врачами, зная эмоциональную натуру Юры, а человек он был очень неравнодушный, сопереживающий, решила представить болезнь как гепатит, придумывала разные обоснования его развития…. Ведь в таких ситуациях человек может стать слабым, и это естественно, поскольку ломается психика. И мне казалось, что Юра верит. А когда я прочла дневники, то пришла в ужас. Вот, например, что он пишет: "Ну вот, я проснулся. Сегодня главное сыграть свою роль перед Нинон, что у меня гепатит, что все будет в порядке. Хотя я знаю, что нахожусь на последнем маленьком отрезочке своей жизни". Меня поражало мужество, с которым он переносил боль. А оказывается, он знал, что обречен. О том, что он ведет дневник, я, естественно, знала. Он их писал рано утром или ночью. Юра никогда не давал мне никаких указаний по поводу своих дневников. Я десять лет не могла к ним прикоснуться, меня мучил вопрос – имею ли я право их читать?.. И вот в 1994 году состоялся первый концерт Юриных песен, а в 1995 году русский человек, живущий в Америке, приехал в Москву и назначил мне встречу. Заговорщицким голосом он сказал, что знает о дневниках, готов заплатить за них 50 тысяч долларов и опубликовать в Америке. Я, естественно, отказалась, но через некоторое время – опять звонок, и сумму увеличивают до 100 тысяч долларов. Деньги сумасшедшие, ситуация – тоже. Я поняла две вещи: во-первых, я их никогда не продам, и, во-вторых, их надо открыть. Читать было безумно трудно, такой уж у Юры почерк, все буквы одним крючком. Я даже письма от него не могла прочесть, кроме первой и последней строчки, ждала его приезда, чтобы он сам прочитал. Но вдруг будто что-то открылось для меня, я стала понимать его почерк, как прозрение какое-то, стало легко читать. До конца так и не прочла, все-таки мешает ощущение неловкости, ведь человек писал все это наедине с собой.

Ю. Визбор

– У вас нет планов издать книгу?

– Друзья написали свои воспоминания. А я, поскольку не получила от Юры никаких напутствий, как могу этим распоряжаться?

– А что-то о его отношении к вам вы открыли в дневниках?

– Так, как он относился к женщинам, – это можно было бы написать учебник для мужчин, это нечто фантастическое. Я не знаю, кто еще столько песен посвятил женщинам. Для себя я нашла одну строчку, которая порадовала меня больше всего остального. За месяц до смерти, приблизительно в августе 1984 года, написана такая фраза: "Я все-таки надеюсь, что мне станет лучше, я встану, и первое, что я сделаю, обвенчаюсь с Нинон". Когда я прочла слово "обвенчаюсь", мне больше никаких слов было не надо.

– Нина Филимоновна, как вы познакомились с Визбором?

– У приятельницы был день рождения, который они с мужем решили праздновать в моем доме. А гостившая у меня родственница из Сибири налепила полтысячи пельменей, думая, что после ее отъезда мне их на год хватит. Так вот приятельница с извинениями сказала мне, что оставила в дверях записку для их друга Юрия Визбора, чтобы он приехал сюда. Я ответила: "Конечно, пельменей много". Вдруг раздается телефонный звонок, и Юра спрашивает: "Здесь пельменями кормят?" Когда он приехал, первое, что я отметила, – его голубые глаза, лучезарную улыбку и подумала, какой располагающий к себе человек. А Юра действительно был солнечный, искрящийся, необыкновенно притягательный человек. Я всю ночь бегала на кухню и варила пельмени. Холодильник просто опустел. А когда он стал петь, я все про него поняла, только удивилась, почему не знала раньше таких хороших песен. Ну и спросила, чьи песни он поет. Юрий с улыбкой ответил: "А ничего, если это мои?" Я подумала, что он шутит. "Вы артист?" – "Нет, журналист", – сказал он. Разошлись все только под утро. С этого дня все и началось.

– И как развивалось продолжение?

– Я живу на Кутузовском проспекте, и из окна кухни потрясающий вид – вся сияющая огнями Москва, Кремль…. И вот ночью мы разрешили Юре сварить последнюю порцию пельменей. Он подошел к окну и говорит: "Боже, какой вид! Я, пожалуй, из этого дома никогда не уйду". Я, конечно же, мимо ушей не пропустила эту фразу. "Сказал…" – подумала я. "Что вы мне на это ответите?" – спросил он. "Поживем, увидим", – все, что я смогла в тот момент ответить. Потом он улетел в командировку, а у меня вскоре день рождения в сентябре, но он не знал об этом, как считала я. И вдруг приходит поздравительная телеграмма с ласковыми словами, а в конце – "Целую, Борман". Я очень удивилась, фильм "Семнадцать мгновений весны" не видела, так как была в тот период в Венгрии. Приехав, Юра спросил про телеграмму, я сказала, что не получала. И вдруг он увидел ее на шкафчике: "Так вот же она". – "Значит, твоя фамилия Борман?" – спросила я в недоумении. В общем, так он и не ушел из этого дома, а наши десять лет пролетели, как миг.

– Каким человеком был Визбор?

– Прежде всего Юрий был абсолютно не бытовой человек, и у меня хватило ума это понять. Маленький пример. Мои друзья уехали в Америку и попросили нас жить на их роскошной даче под Москвой. Соседи знаменитые – Зыкина, Рязанов…. И была на даче банька, в которой никто никогда не мылся. Устраиваясь в этом огромном доме, я Юре говорю: "Вот для тебя кабинет, спальня…" А он решил жить в баньке. Сделал стол, топчан, полку…. И устроил там себе и кабинет, и спальню, навел спартанский уют и был счастлив. Ну а я жила одна в шикарных апартаментах и ходила к нему в гости. Он не рисовался, это образ его жизни.

– Нина Филимоновна, Визбор советовался с вами о том, что волнует, интересует, беспокоит вас?

– Знаете, я пришла из абсолютно другого мира и прежде даже не представляла, что существует мир такой духовной насыщенности. Вокруг Юры была, можно сказать, высоковольтная духовная жизнь. В его окружении постоянно рождались идеи, сюжеты… И все на нашей кухне. Он как-то незаметно и быстро меня перековал, и я полностью растворилась в нем. Мне абсолютно все нравилось – с кем он дружит, куда ходит, чем занимается…. Я завидовала женщинам-альпинисткам, я считаю, что выбрала не самую плохую роль – жить интересами мужа. Рядом с ним я открыла для себя совершенно другие ценности. Маленький пример: после нашего знакомства он увидел в моем альбоме портреты Джона и Жаклин Кеннеди – очень они мне нравились. Юра так удивился: "Я бы понял, если бы здесь был Хемингуэй.… Но эти-то при чем?" Ему нравился Ремарк и вообще все те личности, которых можно назвать настоящими мужчинами. Сам он был именно таковым. Мне кажется, Господь Бог забирает людей ранимых, чутких…. Раньше я думала: "Ну за что ему такая участь, почему его нет?" Я не могла даже общаться с его друзьями, потому что они есть, а его нет. А теперь понимаю, что Юрино сердце сейчас не вынесло бы всего происходящего.

– Нина Филимоновна, у вас сложились хорошие отношения с его первой женой, Адой Якушевой?

– Ада – удивительный, талантливый, остроумный человек. От нее всегда веет добром. Я как-то с удивлением спросила у Юры: "Как ты мог разойтись с такой женщиной?" Но Визбор в свои прошлые отношения никого не допускал и никогда в жизни не говорил плохо о своих женщинах.

Беседу вела
Алина КУДЕЛИНСКАЯ